

Заострённая макушка камня направляет взгляд вверх, туда, где за грядой ближних гор высятся такие же светлые, как изваяние, большую часть года убелённые снегами хребты. В этой цветовой перекличке охватывается огромное пространство, вовлекая его в восприятие каменной скульптуры. Как в фокус, стягивается оно в этом, казалось бы, совсем небольшом изваянии. Таким путём воспроизводится сложившаяся ещё в древности у кочевых культур художественная концепция человека-пространства – каменной скульптуры, воспринимаемой вместе с окружающей панорамой.

Литература

1. Кубарев В.Д. Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск: Наука, 1984. 230 с.
2. Маточкин Е.П. Каменная скульптура могильника Бортулдага (Горный Алтай) // Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии: сборник научных трудов. Барнаул: Изд-во Азбука, 2007. (Труды САИПИ. Вып.3). С.132-134.

Рыбаков Н.И.
(г. Красноярск)

ИКОНОГРАФИЧЕСКИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА МАНИХЕЙСТВА В ПАМЯТНИКАХ ИЮССКИХ СТЕПЕЙ

Средневековая историография умалчивает о каком-либо вхождении манихейских общин на Енисей, но материалы новых памятников, разбросанных в пределах Июсских степей, не отвергают мнение исследователей в вопросе распространения северного манихейства в пределах современной Хакасии (Maechen-Helfen O., 1951, с.326; Кызласов Л.Р., 1999, с. 10; Кызласов И.Л., 2004, с.111-129). В течение семи лет (2000-07) автором обследовались глухие участки обширной территории Междуречья Июсов. Результатом поисковых работ и документирования явилось новое иконографическое искусство, по общим признакам тождественное известным «загадочным фигурам», которые были открыты финской экспедицией под руководством И.Р. Аспелина (1887г.) – Подкамень, Ошколь. Свидетельства камнеграфических изображений (гравировки) в достаточной мере дополняют реликтовые документы и факты, как источники «обретения утраченной традиции» манихейской проповеди по месту и времени.

Описание нового памятника (материалы Н.Р.) «Четыре фигуры» (гора Барстаг, западный склон). Памятник (рис.1) – представляет тонкую гравировку, удовлетворительной сохранности, местонахождение которой на одной из плоскостей (0,5х0,9м) каменной террасы западного склона г.Барстаг, левого берега Белого Июса, в своеобразной нише закрытой от прямых солнечных лучей и осадков. Трехслойное изображение (палimpseст): нижний слой – лучник в погоне за оленем(?) (таштыкский период), средний слой – изображение фигур в длиннополых одеяниях, три из которых с коронами на голове (средневековье), верхний – точечная выбивка, перекрывающая всю композицию (позднее средневековье). [По поводу бытования мнения современных исследователей, выражающееся в словесной комбинации: «фигуры лежат в таштыкском слое и их отношение к средневековью сомнительно» (см. статью автора, в печати) – «Феномен иконографического свойства: причина и следствие заблуждений»].

Итак, четыре фигуры в состоянии шествия слева-направо. Идущий первым в полном наряде служителя культа, по аналогии жрецов с писаниц Аспелина: в короне и пышной дугообразной свисающей вдоль затылка лентой (или скрученный косой); в области подмышек – жезл; руки не проявлены; в районе пояса наряд из круглых украшений – подвесок; низ платья – наподобие волочащегося хвоста – шлейфа. Вторая фигура: персонаж в длиннополой одежде без украшений, малого роста, отроческого возраста, без головного

убора, с пером в волосах. Третья фигура: старец, в полном облачении, но без жезла. Четвертая, завершающая процессию: в подобном наряде, как и две первые рослые фигуры. Антропологический тип персонажей (арийский), судя по изображению профилей и других деталей внешности, кроме четвертого, заметно имеющего очертания головы и фигуры представителя тюркского типа окружения центрально-азиатских нагорий. Характерной деталью трех (взрослых) персонажей является диадема в виде двойного круга под короной в области лба. Заметим, детали в виде радужных линий под ногами передней фигуры не входят в предмет нашего осмысления (вопрос отдельного исследования).

Интерпретация. В череде апостолов: Зороастр, Будда, Иисус, Мани, названных в перечне хранителей истинной веры Восточной манихейской церкви – признается огромное величие Апостола Мани, равного Будде. Он «Мудрейший Царь Закона, Мани-Будда» (Klimkeit H.J., 1998, с. 172). Проникновение и развитие кушанского буддизма со времен Канишки с его эллинистическо-гандарскими чертами на путях южных оазисов Восточного Туркестана наложило отпечаток в историко-культурной жизни Иранского нагорья – на западе; алтынтагского Синьцзяна – на востоке; и за Тянь-Шанем, в городах и поселениях долин Таласа и Чу – на севере. С конца III века на торговых путях Трансоксании буддизм сововлечен с манихейской ересью, а в период согдийской колонизации VI-VIII вв. эти две религиозные конфессии получают распространение в Китае и Центральной Азии (Бернштам А.Н., 1947, с.62). В группах религиозно-философских учений поздней античности – христианского, иудео-христианского, зороастрийского, и буддийского Гностический Миф наиболее ярко выразился в манихействе. В рамках религиозных симпатий и веротерпимости основы буддийского учения, как изначальная «истинная религия», доктрина метемпсихоза, «паранирвана» и пр., легли заметным идеологическим пластом в основание манихейства. Согласно синкретической системе вероучения Мани, основанной на исходной мысли: «Бог един...», основатель учения предопределил продвижение восточной миссии в пространство тюркского мира (Klimkeit H.J., 1998, с.238). Харизматические, нумерологические и схемы «священных превращений», а также и идолопоклонство обеспечили хотя и временный, но определенный успех в религиозной жизни Центральной Азии. В настоящий период накоплен дополнительный материал о тюркском манихействе. Появление и утверждение манихейства в Южном Казахстане, в частности, в средневековом Таласе на скрещении Торгового пути «Восток-Запад», были связаны с активной внешне-торговой и миссионерской деятельностью Согда (Зуев Ю.А., 2002, с.185-188; Бируни, 1957, Т.1, с.213; Кляшторный С.Г., 1992., с.353; Maenchen-Helfen O., 1951, с.326). Прямые и косвенные свидетельства указывают на локализацию северной ветви манихейства в районах Семиречья и Таласа на «границе мусульманского мира» и границе Турфанских уйгуров (верховья Иртыша) в культурной среде тюркских племен: чигилей, чумулей, карлуков. Ю. Зуев полагает термин «чигиль» в начале был обозначением манихейской «школы» в стране Аргу (Зуев Ю.А., 2002, с.191,201,256).

В материалах исследования (памятники – Подкамень, Ошколь) венгерского ученого М. Эрди, его суждение по поводу конусообразных предметов под мышками персонажей, якобы, имеющих отношение к музыкальным предметам, а «фигур» соотносимых с шаманами, наряд которых наделен «птичьими хвостами», не выдерживает критики. [(Исследователь не осматривал «живые» источники, не был в Июсских степях, пользовался только материалами публикаций; ссылаясь на известное издание «Appellgren-Kivalo H., 1931г.», он ошибается, например, называя деревню Подкамень – Батанаково (Erdy M., 1996, с.51-53)] Заметим, единственный персонаж с предметом очертаний наподобие сдвоенных кругов (плита с изображением в Эрмитаже) может действительно быть музыкальным инструментом, что не противоречит фактам в среде дипломатических посольств и культурных взаимовлияний в жизни средневековых городов. В коптских главах («Кефалайя» 1998, с.136), сам Мани (?) говорит о жезле: «Я облачу их в доспехи мудрости ... и жезлы праведности». О божественном жезле Бога Зурвана в истории зурванских сказаний, переданных Теодором Мопсуестом, приводит О.Менхен-Хельфен (1951, с.16). Золотую стрелу (скипетр) получил Йима, хранитель зороастризма, от Ахура-Мазды («тексты», 1984, с.7). В соответствии с историческим фактом восточной миссии во главе Мар Аммо (Смагина Е.Б, 1998, с.24; турфанские тексты M2, M216, M1306) и адаптацией буддизма в

восточно-иранском и центрально-азиатском манихействе, как замечает Климкайт, происходило «усыновление понятий (и символов) буддизма и их нового истолкования... манихеи приняли буддийские формы и содержание» (Klimkeit H.J., 1998, с.237).

Таким образом, в ряду божественных атрибутов на примерах религиозного сближения двух конфессий буддизма и манихейства, предмет под мышкой жреца, есть божественный жезл – ваджр, соотносимый отшельническому жезлу (кхатванга) в тантрийских ритуалах тибетского буддизма (Синяя летопись, 2001, с.139), буддийскому монашескому жезлу (каккара) в памятниках Хара-Хото (Кочетова С.М., 1947, с.478), ламаистскому (вачир), (Потанин Г.Н., Подгорбунский И.А., 1888, с.34) и зороастрийскому божественному скипетру. Этот атрибут ритуально-космогонического назначения, своеобразное наследие божеств громовников в мифологии и ритуалах ваджраяны и северного буддизма – махаяны. «Он» (по Туччи Дж., 2005, с.229), или «она» – ваджра, несет священную функцию чистоты Просветления и нерушимости закона (Дхарма) Будды, прочного как алмаз (Андросов В.П., 2000, с.89). Как доспех Просветления скипетр отражает позицию буддизма относительно единой природы недостатков и достоинств, а противоположные полюса символизируют трансформацию пяти темных ядов (тантрический буддизм) и пяти светлых (совершенств и достоинств). Двоичность мира в противоположностях светло-темной природы соответствует бинарной концепции в манихействе. Постичь истину и обрести спасение – победа духа над телом (материей) и окончательное воссоединение со Светом – идеологическая подоснова в буддизме и манихействе. На нашем графическом примере «громовая стрела» имеет вид двухстороннего конуса с направленным острием вперед, «скрещенный ваджр» (Туччи Дж., 2005, с.229). Подобные, но видоизмененные изображения скипетров (в результате последующих поздних вмешательств – начертаний) по плоскостям Ошкольской писаницы – тождественные иконографические факты.

Вернемся к «Четырем фигурам» (г.Барстаг). Тип костюма чужеземцев, в частности, длиннополые мантии с протянутыми назад шлейфами, в какой-то мере имеют отношение к китайской культуре. Л. Сычев (Сычев Л.П., 1972, с.148) отмечает, что чрезмерные длиннополые наряды были модой при Дворе в период династии Суй (VI-VII вв.). Но нет никаких оснований относить этот наряд к сугубо китайской моде. В «Хуастуанифт» (Малов С.Е., 1951, с.121) сказано: «...в теперешнем существовании, будучи молодыми людьми в длинной (женской) одежде, о, сколь (много) мы ошибались и прегрешали». «Длинные одежды» (uzun ton) – долгополые рясы манихеев-чигилей (Зуев Ю.А., 2002, с.220-222).

Образ «средоточения спасения души» (Виденгрэн Г., 2001, с.98-99) соотносимый с гностической «формой света» Первочеловека – Адама, андрогинна в мифологемах «освобождения Души» двух ее начал света и тьмы выражает свободную волю в манихейской доктрине. (Муже-женский наряд, символика и распространение – тема отдельного исследования). Однако, аскетический идеал «небесного воителя в «Одеждах Вечности» (Кефалайя, 1998, с.56, 83) сирийско-христианской, персидско-харранской языческой традиций и «вещного» облика буддиста-закононаставника мог найти воплощение в «Облике» миссионера на перекрестке Великого Шелкового пути между Западом, Востоком и Индией. В соответствии с языковыми формулами: «Мани-Будда»; «Мой Отец-Мани-Будда»; «Будда Майтрейя, Мани мар Апостол: он принес ... спасение ... от праведного Бога, Отца Света» (Klimkeit H.J., 1998, с.243) конфессиональное согласие двух учений выражалось в «священном языке», проповеднической одежде Небесных воителей. Как «живой» символ космогонического явления между светом и тьмой одежда Будды в его «прежнем облике», по документам китайских хроник, была предметом дипломатических даров (Бартольд В.В., 1973., Т.8., с.54-55; Малявкин А.Г., 1983, с.236)

В череде шествующих второй персонаж, отрок (шраманера) с пером на голове, в состоянии возвышенной одухотворенности. Во всех религиях Востока образ мальчика – «Души, тоскующей по спасению», наделен способностью говорить с высшими божествами, обладающего даром предвидения, т.к. он «получил от Будды мудрость» (Klimkeit H.J., 1998, с.261, 296; Тучи Дж., 2005, с.295). Но такой атрибут, как перо на голове, символ небесной харизмы избранных, имел место в центрально-азиатской культурной традиции с древности до позднего средневековья (Мэнь – гу – ю – му – цзи, 1895, с.413; Левшин А.И., 1832, часть II, с.16). Как было замечено выше, на лбах каждого миссионера возложена круглая эмблема. Все по-

пытки исследователей в отечественной и зарубежной историографии по поводу феномена Енисейских «загадочных фигур», относимых к миссионерской деятельности несториан или даже язычников-шаманистов, могут быть отвергнуты как не имеющие оснований. Несториане, по известным причинам, не могли возложить на лбы языческий знак – под знаком обретения христианского «древа крестного», они несли кресты (Хвольсон Д., 1886, с.34; Пигулевская Н.В., 1956, с.104-105; Джумагулов Ч.Д., 1987, с.38-39).

Рис. 1
Четыре фигуры, г. Барстаг.
Западный склон. Левый берег Белого Юкса (материалы – Н.Р.)

Круглая эмблема (знак сакральной субстанции) – распространенный символ, имеющий глубокие корни в Изначальной традиции Древнего востока: Око Бога, Слово (Логос). В религиозно-мистических учениях Поздней Античности, «третий духовный глаз [в буддизме – моносиллаба Ом (Генон Р., 2004, с. 264, 300), Семя Будды (Валиханов Ч., 1958, с.400); в манихействе – Око Зурвана, Благая весть Иисуса – Сияние (парф. текст, М.42); в тюркской религиозности – харизма удачи – Gut (Кляшторный С.Г., 1983, с.50; Скрынников Т.Д., 1992, с.80)] отвечал требованиям трансцендентных знаний на пути самопознания и самоусовершенствования. Дополнительные примеры из манихейской литературы: из гимна (на среднеперсидск. М.28 II) «... и мы утвердим нашу руку в молитве и открытый наш глаз к твоей (Иисус – Н.Р.) фигуре» (Asmussen J.P. 1975, с.107), или «... мы пойдем за Спасителем, нашим верхним глазом, и нашим ухом, которым мы слышим» (фрагмент гимна «Мы исполнили бы»). Множественные примеры распространения солярно-лунарного знака характерны для мелкой пластики Греко-Бактрийской культуры, Кушанской и Древнего Согда (Меш-

керис В.А., 1989, с.25; Ставиский Б.Я., 1998, с.146). Знак отмечен в культовых сценах живописи Пенджикента и круглой скульптуре (Беленицкий А.М., 1973, с.19, 26) в астрологическом пантеоне иконографии Центральной Азии (Кочетова С.М., 1947, с.476), Турфанских документах (Le Coq, 1923, с.37-42). Знак Диадема Владычества («символ познания» – Рыбаков Н.И., 2007а, с.121-134) явился своеобразной формой «пропуска» узнаваемого без объяснений, по месту и времени на всех путях продвижения манихейской проповеди в пределах территорий Средней и Центральной Азии.

Предварительные краткие выводы Итак, «Четыре фигуры» (г.Барстаг) со всеми изобразительными атрибутами и символами божественной причастности: жезл-ваджр, короны с диадемой «Око Зурвана, Мани – Будды», длиннополые рясы – доспехи небесных воителей, дополнительный факт религиозно-исторического свойства в буддийско-манихейских-тюркских культурных связях. Религиозная веротерпимость средневековых кыргызов – явление, характерное для всех государств западных тюрков (Бернштам А.Н., 1947, с.64). Здесь на Июсах, как свидетельствуют сообщения хроник (Бартольд В.В., 1943, с.24), и была тупиковая ставка караванов северной ветви Великого Шелкового пути. Здесь же нашли убежище гонимые манихеи, возможно после событий в Китае в середине IX века, либо раньше – в VII веке, как следствие раскола манихейской церкви в Согде (Виденгрэн Г., 2001, с.197). Исторические хроники не донесли до нас никаких свидетельств вхождения манихейских или буддийских сект на Енисей, но приведенные новые материалы говорят об обратном. Эти свидетельства наскальных писаниц позволяют признать факт продвижения секты манихеев (манихеев-буддистов) в облике «реликтовых» муже-дев (Рыбаков Н.И., 2007б, с.137-141) в ставку кыргызских каганов Белоснежного государства Аргу. О. Менхен-Хелфен полагает, что вхождение манихеев (миссионеров-проповедников) связано с торговыми путями согдийцев (Maenchen-Helfen O., 1951, с.326), возможно, (мнение автора), по «западной» дороге (Супруненко Г.П., 1974, с.237): Согд – Семиречье – сухоходольные участки районов Алтая – верховья реки Абакан – Уйбатская и Июсские степи.

Литература

1. Андросов В.П. Словарь индо-тибетского и российского буддизма. – М.: «Вестком», 2000.
2. Валиханов Чохан. Избранные произведения, под. ред. А.Х. Маргулана. – Алма-ата, 1958.
3. Виденгрэн Гео. Мани и манихейство. Пер. С.В. Иванов. – СПб., «Евразия», 2001.
4. Генон Рене. Символика креста. Пер. с франц. Т.М. Фадеевой и Ю.Н. Стефанова. – М., 2004.
5. Зороастрийские тексты. Издание подготовлено О.М. Чугуновой. – М.: Наука, 1997.
6. Джумагулов Ч.Д. Эпиграфика Киргизии. – Фрунзе, 1987. – В. 3.
7. Зуев Ю.А. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. – Алматы, «Дайк-Пресс», 2002.
8. Кефалайя («Главы») Коптский манихейский трактат. Пер. ком, глосс. Е.Б. Смагиной. – М., 1998.
9. Кляшторный С.Г., Лившиц В.А. Согдийская надпись из Бугута // Страны и народы Востока. – М., 1971. – Вып.10.
10. Кочетова С.М. Божества светил в живописи Хара-хото // Труды отдела истории культуры и искусства Востока. Государственный Эрмитаж. – Л., 1947. – Т.IV.
11. Кызласов Л.Р. Мани и манихейство. – М. – Абакан, 1999.
12. Кызласов И.Л. Манихейские монастыри на Горном Алтае // Древности Востока. Сборник к 80-летию профессора Л.Р. Кызласова. – М., 2004.
13. Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. – М.-Л., 1951.
14. Малявкин А.Г. Уйгурские государства в IX-XII вв. – Новосибирск, 1983.
15. Пигулевская Н.В. Византия и Иран на рубеже VI и VII вв. Академия наук СССР. – М.-Л., 1946.
16. Потанин Г.Н. Подгорбунский И.А. Каталог. Буддизм. ИВОИРГО, отд. 2. – Иркутск, 1888.
17. Рыбаков Н.И. Око Зурвана Мани-Будды. По следам открытий экспедиции И. Аспелина (1887-89) // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири – Горно-Алтайск: АКИН, 2007а. – В.5.

18. Рыбаков Н.И. Енисейские муже-девы в мантиях: кто они? // Алтайе-Саянская горная страна и истории освоения её кочевниками. Сборник // Алтайский гос. ун-т. Ховдский гос. ун-т. – Барнаул, изд. Алтайский гос. ун-т, 2007б.
19. Скрынникова Т.Д. Представление монголов о сакральности правителя // Тюркские и монгольские письменные памятники. – М.: Рос. Академия Наук. Институт Востоковедения, 1992.
20. Ставиский Б.Я. Судьбы буддизма в Средней Азии. – М., 1998.
21. Супруненко Г.П. Некоторые источники по древней истории кыргызов // История и культура Китая. Сборник памяти ак. В.П. Васильева – М., 1974.
22. Сычев Л.П. Традиционное воплощение принципа Инь-Ян в китайском ритуальном платье // Роль традиций в истории и культуре Китая. Академия наук СССР. – М., 1972.
23. Хвольсон Д. Предварительные заметки о найденных в Семиреченской обл. Сирийских надгробных надписях // Христианские памятники в Семиреченской обл. Оттиск из ЗВОИРАО Т.1. – СПб., 1886.
24. Appelgren-Kivalo. Alt-Altäische Kunstdenkmaeler. – Helsingfors, 1931.
25. Asmussen Jes P. Manichaeen Literature. Representative Texts Chiefly from Middle Persian and Parthian Writings // Persian Heritage Series № 22. Scholars' Facsimiles, Reprints. – Delmar-New-York, 1975.
26. Erdy M. Manichaens, nestorians or bird costumed humans in their relations tu hunnic type cauldrons in rock carvings of the Yenisei Valley // Eurasia Studies Yearbook. – 1996. – Vol.68.
27. Klimkeit H.J. Selected Studies. Heuser M., Klimkeit H.J., Studies in Manichaeen, Literature and art. – Brill-Leiden-Boston-Koln, 1998.
28. Maenchen-Helfen O. Manichaens in Siberia // Semitig and Oriental Stadies. – Berkeley-Los Angeles, 1951.

Азбелев П.П.
(г. Санкт-Петербург)

ОБ ИННОВАЦИЯХ IX В. В ЮЖНОСИБИРСКИХ КУЛЬТУРАХ

1. Проблема

Считается, что южносибирские погребения рубежа I-II тысячелетий с сожжениями, совершёнными вместе с инвентарём на стороне и размещёнными под тем или иным сооружением на древней поверхности, оставлены енисейскими кыргызами в т.н. «эпоху великодержавия». Эталонами служат безусловно кыргызские памятники второй половины IX-X вв. в Туве. Предметный комплекс таких погребений считается кыргызским и, «наряду с обрядом трупосожжения, является опорным при определении памятников енисейских кыргызов и в других районах их расселения в IX-X вв.» (Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., 2005, с. 268). Фактически это значит, что датирование сибирских материалов рубежа тысячелетий за пределами заведомо кыргызского ареала (Минусинская котловина и с середины IX в. Тува) проводится с опорой на кыргызские аналогии и данные летописей о разгроме кыргызами уйгурской столицы Орду-Балыка. Для большой серии памятников летописная дата 840 г. оказывается необсуждаемым *terminus post quem*.

Этот подход имеет право на существование лишь при том условии, что именно и только кыргызская культура могла быть источником датирующих инноваций. Чтобы считать тот или иной признак (или комплекс признаков) специфически кыргызским, нужно проследить его происхождение внутри кыргызской культуры; этот вопрос, однако, никем специально не исследовался; в результате хронология и интерпретация сотен памятни-